

НА АРЕНЕ — ТИГРЫ

Для горьковских зрителей состоялось закрытие циркового сезона. Но манеж цирка во-прежнему насыщен ритмом своей работы: с утра до вечера идут репетиции с белыми медведями, лошадьми, тиграми...

Среди артистов можно часто заметить пожилого человека в черном берете. Это один из самых первых укротителей могучих хищников в нашей стране Александров-Федотов. Скоро ему исполнится семьдесят лет. Но он, как всегда, порывист, бодр. И, как всегда, рабочие манежа его называют «наш пионер».

Только внимательным глазом можно приметить, что молодцеватый ветеран цирка чуть

прихрамывает. Это эхо прошлогодней истории, произошедшей в Латинской Америке. На летних гастролях переутомленные трехкратными ежедневными представлениями тигры разнервничались, и один из них сбросил тумбу мощной лапой. В результате случайности — перелом ноги у дрессировщика.

Сейчас Центральное телевидение готовит передачу об этом человеке и его опыте, очень важном для молодого поколения цирковых артистов. Мы попросили сценариста, аспиранта Всесоюзного института кинематографии Вл. Свиридова рассказать о некоторых эпизодах из жизни этого человека, который, вопреки беде, встал в строй.

НЕОБЫЧНЫЙ РЕЦЕПТ

ВРАЧ ПОСТАВИЛ ДИАГНОЗ
мастеру Александрову-Федотову: прединфарктное состояние.

Вот когда по-настоящему дрессировщик почувствовал истинный смысл гамлетовского изречения: «быть или не быть?».

Быть — значит отлеживаться, наслаждаться покоям, забыть о манеже. А наверное, и пора: ведь уже почти «полтинник» — полвека по паспорту.

И фронты гражданской войны... Немало принес пользы людям. По крайней мере с чистой совестью можно воспользоваться персональной пенсий.

Не быть — значит все же принять долгожданных, только что прибывших из уссурийской тайги тигров, подготовить с ними номера и хоть на немного осуществить свою дерзкую мечту: потягаться своей человеческой силой и сноровкой с самыми сильными хищниками, которыми располагает природа России.

Главный врач республиканской поликлиники Нина Александровна Селецкая пришла по душу мастеру: строго предупредила о состоянии, но в то же время сказала, что не может препятствовать горячemu желанию пациента продолжить работу. Она добавила:

— Бывали случаи, когда такое рабочее настроение помогало больным преодолевать кризисные ситуации... — Она сказала это пожилому мастеру, не подозревая, что его ждет не старая работа, а... тигры.

В этот год дрессировщику в больнице Склифосовского, куда его отвезла «Скорая помощь», выдали справку о не-трудоспособности.

Теперь дрессировщику перед репетициями и после, а иногда и во время них вводили в мышцу лекарства. Сердечные сосуды суживались. Ему казалось, что он знает не хуже врачей, что такое пантопон, кардиамин, папаверин, промедол...

Он по-своему ворчал на некоторые из этих лекарств, сожалея, что действуют в течение всего двух-трех часов. Потом хватался за сердце, расстирая грудь незаметно для других.

А главное, чтобы не люди, а звери не замечали перемен в его состоянии, не чувствовали перебоев сердца — ведь это тигры. И он так вел репетиции, что старый барет удивлялся.

— Ну, ты прямо как мальчишка, Александр Николаевич. Не зря у тебя появилась кличка в цирке — «Пионер»...

Пойманые в марте 1952 года, тигры прибыли в неважном состоянии, озлобленные и грязные. Не по душе им пришлась неволя.

Вместе с обслугой дрессировщик ухаживал за новичками, скоблил пол в их клетке, чистил шерсть металлическими щетками, насыпал опилки.

Приходя домой, Александр Николаевич шутил, бодро держася перед супругой:

— Лиза, я после репетиции словно на курорте побывал.

— Что ж ты мне-то сказки рассказывашь, Саша. Будто я не знаю твоего состояния. Врачу своему такую небылицу расскази.

— Я тебе правду говорю!

Действительно, становилось легче.

Пятнадцатого декабря состоялось первое представление. И первыми в цирк пришли врачи во главе с Ниной Александровной Селецкой.

На очередном просмотре в поликлинике главный врач

сказала:

— Вот вы и вылечили себя, Александр Николаевич. Вылечили тиграми. Видно, от нервного перенапряжения, которое естественно возникало на репетициях, сердечные сосуды расширялись. Как вы говорите, «музыка тигриного рева» вам помогла. Жаль, что далеко не всем можно прописать такой рецепт.

Приехавший из Уссурийска дрессировщик не отчаялся — разум человека сильнее хитрости зверя. Оставил еще один прием, самый «железный». К нему мастер пришел много лет назад, обуздал вероломных леопардов: путь к сердцу зверя лежит через его желудок...

Дрессировщик знал, что тигр бывает сыт только тогда, когда наестся досыта. На воле хищник съедает тридцать — тридцать пять и более килограммов. В неволе по рациону ему дают около десяти.

Вега всегда ела мясо с аппетитом, но принимала его с вилки мастера как должное, «по-зоопарковски». Ей трудно было представить, что здесь она не просто тигрица, а артистка, и ей надо «зарабатывать на мясе». Предстояло пробудить в Веге особый аппетит к мясу, чтобы она стремилась заполучить его во что бы то ни стало.

Однажды дрессировщик, придя домой, сказал жене:

— Ну все — Вега моя!

— Как же ты ее обудзала, Саша? — спросила Елизавета Павловна.

— Конфетками...

— Что за «конфетки»?

— Не удивляйся: я не кормлю Вегу ни «Кара-Кумом», ни «Трюфелями»... Просто я отбираю повкуснее и посвежее куски мяса и нарезаю его тонкими ломтиками. Вегу не назовешь гурманкой, но то что она лакомка — факт. Прямо дрожит от нетерпения, когда я подаю ей такие ломтики. И видно — готова что угодно съесть ради лакомства.

— Ты, Саша, так у меня кулинаром станешь, — пошутила Елизавета Павловна.

КАРАТ ШУТИТ

КНУТ ВЫПАЛ от резкого взмаха руки.

Дрессировщик на миг рас-

терялся — выпало его своеобразное оружие.

Тигр Карат с игривой легкостью подскочил к кнуту, схватил, секунду постоял в нерешительности и, как всегда в конце номера, устремился из централки по туннелю в свою клетку.

Дрессировщик вытер пот со лба и перевел дыхание.

Зрители шумно аплодировали.

Александр Николаевич смотрел по сторонам с озабоченным и серьезным видом. Словно все еще пытался осмыслить, что и как произошло. Почему такие аплодисменты?

Они звучали для него все громче и громче.

И тут он засмеялся.

Это еще больше подзадорило присутствующих.

Аплодисменты не смолкали.

Теперь смеялись и ассистенты, только что переглядывавшиеся в замешательстве. Они поняли «шефа» — случайно открылся путь к новому трюку. Случайность родила мысль: заставить Карата каждый раз убегать в конце номера, подхватывая бич...

С того вечера на кнут привыкался незаметный для зрителя кусочек мяса, и Карат хватал древко, убегая с манежа. «Тигриный юмор» приводил публику в восторг.

РАНА

АЛМАЗ НЕ ТЕРПЕЛ СОПЕРНИЧЕСТВА ни в чем. Но особенно в любви.

Дрессировщик знал это и на ярославских представлениях в конце октября — начале ноября старался держаться гораздо собраннее, чем в любой другой сезон года. Особенно пристально следил за вожаком группы.

Мастер замечал, как в небрежных и сдержанных игриных движениях Алмаз и Акбар все чаще проявляли симпатию к уссурийке Уле.

Брачный период тигров охватывает ноябрь, декабрь и январь. И сейчас в них инстинктивно пробуждалась особая вольность.

Чувствуя «предбрачные перемены» тигров, мастер все строже спрашивал с тех, кто дежурит за барьером централки во время репетиций и особенно представлений, требо-

вал абсолютного внимания.

Тигры, чувствуя это, вели себя спокойнее и даже как-будто равнодушнее. Особенно равнодушным казался теперь вожак Алмаз. И только Уля, косясь чаще обычного в его сторону, вдруг выказывала не свойственные ей резковатые движения при выполнении трюка. Словно равнодушные Алмаза представлялось ей явным невниманием.

...Алмаз и Акбар в совершенстве выполнили номер с огнем. Ничто не предвещало грозы. И вдруг дрессировщик увидел, как сцепились два гиганта, оказавшись поблизости друг от друга.

«Тигриная гроза» наступает неожиданно: без всяких туч раздается гром — цепенящий рев, и сверкают молнии — клыки. Публика вскрикнула.

Почти так же неожиданно и одновременно ударили с разных сторон мощными струями брандспойты. Но, к удивлению всех, включая и мастера, тигры не разбежались и продолжали схватку. Публика замерла.

С большим риском в драку зверей вмешался сам дрессировщик, что есть силы щелкнув несколько раз бичом и подхватив на бегу крейсер — шест с вилкой на конце. Тигры разлетелись в стороны, рыча и сверкая клыками.

Клацнули задвижки централки, и вся тигриная группа инстинктивно устремилась по туннелю в свои клетки на конюшне. С шеи Акбара сочлилась горячая кровь.

Анализ показал: Алмаз порвал своему сопернику горло, сильно задев пищевод. Требовалось оперативное хирургическое вмешательство. Операция на тигре — сложнейшее и хлопотливое дело. Тигра несложно перебинтовать, а перевинтить — корсет с себя повязку мощными лапами, еще больше разбередив рану.

Из Москвы в Ярославль экстренным рейсом прилетел профессор Медведев. По его заключению операция предстояла напряженная.

Во-первых, нужно было создать необходимую обстановку, чтобы сам зверь не мешал операции. Во-вторых, чтобы правильно зашить травму, требовалось расширить и углубить рану.

Акбара усыпили.

И, несмотря на то, что тигр находился под глубоким наркозом, его туловище и лапы закрепили к операционному столу.

Профессор Медведев действовал быстро и пластиично. Вскоре рана была зашита.

Бинтов не было. Но Акбар мог лапой порвать шов, так как зашитая рана, несомненно, вызывала у него на груди зуд.

Тигра поместили в клетку-фенкатор, стекни которой сдвигались. И зверь находился в ней теперь, по выражению барнетора, как «в гробу» — на расшевелившись.

Через 10 дней Акбар был «выписан». Все это время он был грустен, подавлен. Ревнивый вожак встретил соперника очень сдержанно.

Акбар тусклым взглядом смотрел то на дрессировщика, то на публику сквозь превдохранительную сетку.

Мастер опасался за состояние своего любимца — неужели эта депрессия окажется затяжной!?

Дрессировщик делал побольше свободы тиграм на разминке в централке перед представлением.

Более вольное настроение тигров как-то намагничило и заразило Акбара.

Он вытянул зажившую шею, встрепенулся и по-рыцарски рывком поприветствовал Улю и всю группу. Дружественным рывком ответил с возвышавшейся тумбы вожак.

В. СВИРИДОВ.

НА СНИМКЕ: дрессировщик А. Н. Александров-Федотов в своем рабочем кабинете перед очередной репетицией.

Фото О. Загороднякова.